



## ЭКОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА И ПРАВО

**В.И. ЕРМОЛОВИЧ**

---

### ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ

---

Элементы судопроизводства формировались у населения, проживавшего в древности на территории Сербии, в рамках правового обычая. Уже тогда действовал институт добровольного примирения, когда кровная месть со стороны близких потерпевшего лица приостанавливалась благодаря компенсации причиненного ущерба виновной стороной. При добровольном примирении уплачивался выкуп по взаимному согласию потерпевшего и виновного лица. Для определения суммы выкупа обычно привлекались примирители, которые выполняли судебные функции, но не имели отношения к органам государственного правосудия. Примирители были уважаемыми людьми — старейшинами родов и задруг.

С появлением государства институты талиона и выкупа перестали соответствовать интересам господствующего класса. Они создавали неустойчивость в сербском обществе, вызывая к жизни кровавые конфликты и даже локальные войны. Господствующий класс Сербии был наоборот заинтересован в общественном порядке и стабильности. Кроме того, он стремился окончательно подчинить судопроизводство своей власти и социальным интересам.

Усиление позиций христианства на территории Сербского государства способствовало укреплению законности в стране, которая отвечала интересам правящего класса. Из норм римского права были заимствованы два института, которые содействовали утверждению государственного правосудия. Так, было заимствовано правило, что у собственника должны изыматься вещи, которые он вернул себе в результате самоуправных действий. Статья 5 титула XVII “Эклоги” гласит: “Если кто-либо спорит с кем-либо и при этом не обращается к властям, а своевольно или с помощью какой-либо другой силы налагает руку и отнимает что бы то ни было, то в том случае, если он сделал это, добиваясь того, что действительно принадлежит ему, он должен быть лишен своей вещи, и вещь должна быть возвращена обратно; если же он отнял чужую вещь, он должен быть подвергнут местным правителем избиению за то, что не подчинился властям и стал сам себе защитником” [1, 68].

Другой удар был нанесен по самосуду в сфере уголовного права. Борьба с самосудом связывалась с властью и прерогативами церкви. Было закреплено право убежища, когда преступник или подозреваемый в совершении какого-либо пре-

---

*Виктор Иванович ЕРМОЛОВИЧ, кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и международного права, зам. декана факультета права БГЭУ.*

ступления прибегал к защите церкви, попросив убежища в церковной или монастырской усадьбе. При этом применять силу с целью его задержания в убежище запрещалось. Потерпевший и его близкие должны были обратиться к священнику с требованием выдачи виновника содеянного для законного расследования преступления.

Право убежища было закреплено законодателем в статье 1 титула XVII “Эклоги”. В пользу повсеместного использования указанной правовой нормы в судебной практике южнославянских народов говорит и статья 16 “Закона Судного Людем”, которая воспроизводит ее в следующей редакции: “Никто не должен насильно (забрать) прибежавшего в церковь, но беглец должен рассказать священнику о деле и о проступке, совершенном им; священник должен укрывать его как беглеца до тех пор, пока не установят в соответствии с законом и не расследуют обвинения против него; если же кто-либо попытается насильно забрать из церкви укрывшегося там, кем бы он ни был, то такой человек должен получить 140 ран (ударов), и затем, как подобает, надо расследовать обвинения против укрывшегося (в церкви)” [2, 142].

Вышеуказанные санкции за самоуправное изъятие вещи, выражающиеся в лишении права собственности на эту вещь, а также законодательное закрепление права убежища значительно ограничили применение самосуда и талиона, но не ликвидировали их полностью. Самосуд и талион еще длительное время оставались общепризнанными нормами правосудия.

Законодатель указывает, что самосуд исключался, если правонарушитель или подозреваемый укрылся в церкви, но именно эта норма свидетельствует, что если он не укрылся в церкви, то самосуд был возможен. Под страхом наказания запрещалось забирать подозреваемого из церкви, в которой он обрел убежище. Можно предположить, что из других мест преступника можно было забрать насильно.

Следовательно, талион и самосуд в период раннего средневековья были существенно ограничены, но не изжиты из практики. Поэтому Пространная редакция “Закона Судного Людем”, включая нормы “Эклоги” о праве убежища и лишении права собственности виновного в самоуправстве, воспроизводит наряду с этим в статье “О вражде” и правило Моисея “око за око, зуб за зуб”.

Данное положение вещей является закономерным, так как окончательное утверждение государственного правосудия неразрывно связано с утверждением феодальных отношений в стране. Процессуальное право средневековой Сербии формировалось как составная часть надстройки, которая соответствовала процессу становления феодального базиса в стране. Вследствие этого мы наблюдаем, что судоустройство и процесс развиваются постепенно в средневековом государстве вместе с развитием феодальных отношений. Например, в “Закоде Судного Людем” говорится только о князе и судье как о лицах, осуществлявших правосудие. «В любом споре, тяжбе и обвинении, — гласит статья 2 “Закона Судного Людем”, — князь и судья не должны судить без свидетелей...» [2, 89]. О других судебных органах в указанном источнике права упоминаний нет.

Совсем шую картину дает нам “Законник Стефана Душана”, относящийся к периоду расцвета феодальных отношений в Сербии. Нормы Законника свидетельствуют, что полномочия судебной власти в рассматриваемый период были достаточно обширными. Суд государя (читать как судья королевского, т.е. государственного суда. — В.Е.) в соответствии со ст. 177 “О судьях” “Законника Стефана Душана” был компетентен рассматривать дела, где в роли ответчиков и истцов выступали все подданные короны, начиная от зависимых крестьян (меропхов) и заканчивая высшими должностными лицами государства. Окружной судья королевского суда в средневековой Сербии был вправе рассматривать дела даже в отношении высших королевских сановников. Статья 177 Законника гласит: “О судье, который находится при дворе моего царского величества. Если совершится преступление (при дворе), пусть судится им; если же случайно явятся тяжущиеся ко двору моего царского величества, да рассудит их придворный судья, но никто да не вызывается на двор моего царского величества помимо окружных судей, ко-

торых поставило мое царское величество, но да идет всякий к своему (окружному) судье» [3, 103].

Наиболее опасные преступления (убийство, разбой, хищения, совершенные группой лиц) на основании статьи 103 «Законника Стефана Душана» рассматривались государственными судами независимо от подсудности их исполнителей (феодалным или церковным судам).

Содержание статей 79 и 163 «Законника Стефана Душана» позволяет говорить о том, что сербский средневековый процесс был состязательным. «На суде, — гласит статья 163 «О поротниках» Законника, — когда судятся и тяжутся две стороны о своей тяжбе. Да не волен ответчик за то, что его обвиняет противник, говорить на своего истца наговорные речи, (уличая его) в измене или в ином каком деле, но только да отвечает ему...» [3, 95].

Однако процесс, регламентирующий рассмотрение тяжких уголовных преступлений, был инквизиционным по характеру. В центре судебного разбирательства находится установленный виновник совершенного преступления. Об этом свидетельствуют статьи 146, 147 и 151 «Законника Стефана Душана». Так, статья 151 «О разбойнике и воре» Законника гласит: «Указанным образом да будет наказан явный разбойник и вор, и таково (их) уличение: если у них найдется что-либо поличное или если схватят их на разбое или воровстве, то да предадут их или жупе, или селам, или господам, или властелю, который над ними, как написано выше; такие разбойники и воры да не будут помилованы, да будут ослеплены и повешены» [3, 86].

В средневековом праве Сербии сторонами судебного процесса были истец и ответчик. Рассмотрение дела в суде велось в присутствии свидетелей либо с учетом использования вещественных доказательств. При этом свидетельским показаниям отдавалось предпочтение.

Развитие судебного процесса в средневековой Сербии привело к созданию института представительства в суде. Например, в статье 65 «Законника Стефана Душана» допускается представительство в отношении брата, который живет в одной и той же задруге. При этом постановление статьи 65 «О братьях» Законника гласит: «Братья, которые живут вместе в одном доме. Если кто позовет их на дому, то кто из них придет, тот пусть и ответит. Если же найдет его на царском дворе или судейском, да придет он и скажет: «Я представляю на суд старшего брата», то пусть представляет, и да не принуждают его отвечать» [3, 41]. Статья 72 «Законника Стефана Душана» предусматривает возможность назначения процессуального представителя вдовы, который защищал бы ее интересы в суде.

С развитием средневекового сербского судебного процесса изменилось не только понятие «сторона», но претерпел изменения и порядок вызова сторон в суд. Обеспечение явки сторон в суд в период раннего средневековья возлагалось на заинтересовавшую сторону процесса. В соответствии с нормами «Законника Стефана Душана» вызов тяжущихся сторон в суд начал осуществляться органами государственного правосудия. Статьи 55, 61, 104 Законника установили, что стороны процесса вызывались в суд специальным судебным чиновником-приставом.

Представители господствующего класса (властели) вызывались повесткой, в которой была указана причина; остальные должны были явиться в суд по предъявлению судейской печати. Так, статья 61 «Законника Стефана Душана» «О вызове властелей» гласит: «Великий властель да не приглашается на суд без судейской грамоты, а прочим — печать» [3, 39]. Эта норма «Законника Стефана Душана» говорит о том, что и в процессуальном праве нашел отражение принцип классовости, так как наблюдался различный подход к сторонам в процессе в зависимости от их общественного положения. Феодалу следовало сообщить содержание обвинения или иска, в связи с которым он вызывался в суд, а в отношении зависимого крестьянства и остальных непривилегированных слоев общества этого не требовалось.

Классовый подход в отношении вызова в суд заключался не только в этом. Властель должен был вызываться в суд в подходящее для него время, чтобы у не-

го была возможность подготовить судебную защиту. Для более низких сословий данное требование не соблюдалось, поскольку законодательство средневековой Сербии не содержит правового механизма его реализации. Так, статья 50 “Законника Стефана Душана” гласит: “Властель да не призывается (на суд) всчером, разве призывается прежде обеда, и да объявляется ему (о том) предварительно; и кто будет позван с приставом прежде обеда и к обеду не придет, да будет виноват и уплатит властелю 6 волов” [4, 89].

Правосудие средневековой Сербии, в отсутствие иных судебных доказательств, широко практиковало ордали (суд божий). Обвиняемого заставляли брать руками раскаленное железо и переносить его на определенное расстояние. Согласно статье 152 Призренского списка рукописи “Законник Стефана Душана”, расстояние совершаемого процессуального действия равнялось расстоянию от церковных ворот до церковного алтаря. «И если кто на суде обвиняет кого в разбое и воровстве, — гласит статья 152 “О воровстве” Законника, — а не будет улик, да будет им в оправдание железо, как то постановило мое царское величество: да вынут его (железо) у церковных ворот из огня и да (понесут и) положат его на святой алтарь» [3, 87]. Если при данном испытании сторона процессуального действия не получала больших ожогов, а полученные вследствие этого рапы заживали быстро, то предполагалась ее невиновность.

Нередко в ходе ведения труднодоказуемых дел сербские судьи прибегали к использованию распространенного в средние века института судебного процесса — клятвы. Причем сербские судьи были уверены в том, что бог не оставит ненаказанным клятвопреступника. Поклявшаяся сторона судебного разбирательства освобождалась от всякой ответственности, будь даже она отвечающей стороной. Вместе с тем, если впоследствии было установлено, что клятва была ложной, то поклявшегося ожидало суровое наказание. Лжесвидетельство на суде попадало под действие статьи 167 “О мошенничестве” “Законника Стефана Душана”, в соответствии с которой за обман, ложь и клятву наказывали как за воровство и разбой, т.е. правонарушителя ослепляли и вешали.

Нередко в сербском средневековом процессе применялся и институт “соприсяжников”, или поротников. “Соприисяжники” в сербском праве использовались при разрешении споров об установлении размера причиненного истцу убытка или для снятия вины с подозреваемого в совершении преступления. Это люди, которые пользовались добрым именем и доверием суда. Они клятвенно подтверждали факты, которые имели определяющее значение для вынесения приговора суда. В данном случае мы полностью разделяем точку зрения русского ученого, ставшего профессором юридического факультета Белградского университета, получившего мировое признание, Теодора Васильевича Тарановского, что заявления поротников были решающими для исхода процесса [5, 760].

В статье 153 “О пороте” Призренского списка рукописи “Законник Стефана Душана” говорится, что по большим делам должно быть 24 поротника, по менее значительным — 12, а по мелким делам — 6.

Если поротники принесли ложную клятву, то они наказывались 1000 перперов штрафа, лишались права быть поротниками в будущем [6, 79].

Собственное признание было важнейшим видом доказательства во всей системе доказательств средневековой Сербии. Причем суд принимал к рассмотрению только добровольно сделанные признания отвечающей в суде стороны. Об этом свидетельствует постановление статьи 10 Закона Винодольского, который был составлен в 1288 г. и записан на хорватском языке. Статья 10 Закона Винодольского гласит: “Когда разбирается дело по татьбе из мощуны (хлева) или по содержанию хлеба, стоящего на поле в копнах, или по краже сена из стога ночью, по такому преступлению обвиняемый должен присягнуть сам (т.е. подтвердить свои показания)” [7, 919].

Вместе с тем не следует исключать возможность получения признаний для судебного разбирательства с использованием пыток. В средневековой Европе применение пыток в отношении обвиняемых было делом обычным.

Наиболее распространенным и значимым доказательством в средневековой Сербии были свидетельские показания. Ответ на вопрос, кто может быть свидетелем в суде и что должно быть предметом свидетельских показаний, дает славянская редакция "Эклоги". Согласно титулу XIV статьи 1 указанного выше Закона в качестве свидетелей могли выступать такие лица, которые имеют "либо положение, либо должность, либо профессию, либо богатство". Если такие свидетели не будут найдены, а имеются "неизвестные свидетели", то последние, в случае когда будут оспорены их показания, должны быть подвергнуты истязаниям, для того чтобы судьи могли "найти истину" [1, 63].

Свидетелям, занимающим определенное положение в обществе, имеющим должность, профессию или богатство, противопоставляются так называемые неизвестные свидетели. Это противопоставление говорит о том, что имеются в виду представители эксплуатируемого класса. Так как законодателю ясно, что такие свидетели обычно не раскроют той "истины", которая нужна господствующему классу, то он предписывает при оспаривании показаний таких свидетелей подвергать их пыткам.

С помощью комбинирования двух положений, т.е. провозглашая вначале в качестве допустимых доказательств показания свидетелей — представителей господствующего класса, а также указывая на необходимость подвергать пыткам тех свидетелей, которые не принадлежат к этому классу, законодатель старается обеспечить обнаружение "истины", которая выгодна господствующему классу.

Рассматривая предмет свидетельских показаний, необходимо отметить, что в "Эклоге" и "Закоме Судном Людем" свидетели давали показания на основании собственных восприятий того, что они видели и слышали (славянская "Эклога", титул XIV, ст. 2; "Закон Судный Людем", ст. 20). Указанные выше нормативно-правовые акты содержат нормы, запрещающие допрос в качестве свидетелей лиц, которые находятся в родственных или иных взаимоотношениях со сторонами в процессе. Согласно действовавшим правовым нормам не допускалось, чтобы родители свидетельствовали против своих детей и наоборот (славянская "Эклога", титул XIV, статья 1); раб и освобожденный соответственно в пользу своего господина или в пользу бывшего своего господина (славянская "Эклога", титул XIV, статья 1). В соответствии с нормами "Закона Судного Людем" не должны допрашиваться в качестве свидетелей те, кто был уличен во лжи, те, кто преступил божий закон, а также те, кто ведет предосудительный образ жизни.

С институтом свидетелей связан и так называемый свод, о котором идет речь в источниках средневекового сербского и русского права. Если у какого-либо лица находили украденную вещь, оно обязано было указать истцу, от кого была получена эта вещь. Переданный вещь, в свою очередь, должен был указать лицо, от которого он ее получил, и так до тех пор, пока не дойдут до лица, которое не сможет указать источник получения данной вещи. Лицо, не давшее четких разъяснений представителям дознания, считалось вором и уплачивало штраф, за исключением случаев, когда оно с помощью "поротников" могло доказать, что купило данную вещь за границей или на базаре.

Вынесению решения сербского средневекового суда предшествовали устные объяснения сторон, обосновывавшие предмет своего иска и возражения против него. Так, статья 163 "О поротниках" Призренского списка рукописи "Законник Стефана Душана" гласит: "На суде, когда судятся и тяжутся две стороны о своей тяжбе. Да не волен ответчик за то, что его обвиняет противник, говорить на своего истца наговорные речи, уличая его в измене или в ином деле, но только да отвечает ему..." [3, 95].

Статья 165 "О судьях" Призренского списка рукописи "Законник Стефана Душана" указывает на то, что судопроизводство в средневековой Сербии велось в письменной форме, которая предусматривала не только ведение протокола суда, но и выдачу решения суда тяжущимся сторонам.

О форме документа, в которую облакалось судебное решение, у нас нет достоверных данных. Не обладаем мы и сведениями об институте обжалования судебного решения и приговора, которое, несомненно, допускалось.

Судебные решения и приговоры исполнялись специальными судебными чиновниками-приставами, которые взимали пошлины, штрафы и следили за выполнением решения или приговора суда. Так, статья 157 "О приставах" Бистричского списка рукописи "Законник Стефана Душана" (по Призренскому списку Законника статья 164) гласит: "Пристава без судейской грамоты или без грамоты моего царского величества никуда да не ходят, но куда их посылают судьи, да пишут им грамоты, и да не берет пристав ничего иного, кроме того, о чем написано в грамоте. А судьи пусть держат (у себя) копии тех грамот, какие дали приставам, которые послали, чтобы они исполняли (судебные приговоры) по земле царской. Если же будет донос на приставов, что они поступили иначе, чем написано в грамоте, или что они другим образом переписали грамоты, то они должны оправдаться и да явятся перед судьями, и если окажется, что они поступили так, как написано в судейской грамоте, которую (у себя) имеют, то они правы; если же окажется, что они персиначили судебный приговор, то отсечь им руки и вырезать язык" [6, 81–82].

Наряду с должностными лицами, исполнявшими решения королевских (государственных) судов, имелись и судебные исполнители светских и церковных феодальных судов. Анализ статей Законов сербских государей свидетельствует, что королевские чиновники не могли выполнять свои функции в отношении церковных людей, живших на землях, переданных в собственность монастырей. Так, статья 35 "О суде церковных людей" Бистричского списка рукописи (статья 31 Призренского списка) "Законник Стефана Душана" гласит: "Церковные люди во всякой тяжбе да судятся перед своими митрополитами и перед епископами, и игуменами; если будут оба человека одной церкви, да судятся перед своей церковью" [8, 133]. Следовательно, судопроизводство в средневековой Сербии осуществлялось как органами светского, так и органами церковного феодального суда.

Несмотря на тот факт, что судоустройство и судопроизводство в средневековой Сербии осуществляло сословный принцип отправления правосудия, в сербском процессуальном праве все же начался процесс постепенного становления демократических начал и традиций.

Наблюдается тенденция обязательного правоприменения государственных законов в отношениях всех категорий населения страны как господствующих, так и зависимых.

Широкие слои населения Сербского государства, в том числе и зависимые крестьяне (меропхи), с введением в действие в 1349 г. "Законника Стефана Душана" обрели право судебной защиты даже в отношении господствующего класса (феодалов). Об этом свидетельствует статья 139 "Законника Стефана Душана", которая гласит: "Меропхам в земле моего царства да не волен господин ничего учинить сверх закона, разве что мое царское величество записало в Законнике, то (меропх) да работает ему и даст. Если же (господин) учинит ему, что незаконно, то мое царское величество повелевает, да всякий меропх волен судиться со своим господином или с моим царским величеством, или с госпожою царицей, или с церковью, или с властями моего царства и с кем бы то ни было. Да не волен никто удержать его от суда моего царства, но да судят его судьи по правде. И если меропх уличит господина, да отдаст судья моего царства на поруки, что господин заплатит меропху все в срок. И потом да не волен тот господин чинить зло меропху" [8, 141].

Таким образом, анализ источников древнесербского права свидетельствует о том, что уже в период средневековья в Сербском государстве начинается процесс становления основ судоустройства и судопроизводства как механизм ветви судебной власти.

### Литература

1. Эклога: Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965.
2. Закон Судный Людем пространной и сводной редакции / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961.
3. Законник благоверного царя Стефана // Зигель Ф. Законник Стефана Душана. СПб., 1872.
4. Законник цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис / Уредник М. Беговић. — Београд, 1981.
5. *Тариовски Т.* Историја српског права у Немањинској држави. Београд, 1996.
6. Душанов законик: бистрички препис / Превео Д. Богдановић. Београд, 1994.
7. Закон Винодольский от 6 января 1288 г. // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В.М. Корецкого. М., 1961.
8. Душанов законик: призренски рукопис // Јанковић Д. Историја државе и права феудалне Србије (XII - XV век). Треће издање. Београд, 1961.

**Д.М. СТЕПАНЕНКО**

### ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В качестве одного из элементов государственной инновационной политики как системного образования выступает ее законодательное обеспечение. Оно охватывает совокупность норм, тем или иным образом регламентирующих новаторскую деятельность в стране, а также направленных на стимулирование деятельности национальных хозяйствующих субъектов.

Особенность законодательного обеспечения инновационной политики как элемента системы проявляется в особой тесной связи со всеми другими ее элементами. Именно наличие данного элемента делает возможным реализацию некоторых составляющих инновационной политики, генетически обуславливая тем самым существование ряда иных элементов системы.

Так, взаимосвязь планирования и программирования мероприятий инновационной политики с ее законодательным обеспечением проявляется в том, что государственным планам и программам для повышения их степени значимости часто придается статус законов. Реализация налогового стимулирования инновационной деятельности объективно предполагает наличие в стране налогового законодательства, в рамках которого прописаны конкретные мероприятия, направленные на обеспечение указанного стимулирования. Необходимой предпосылкой амортизационного стимулирования инновационной активности является установление государством на законодательном уровне норм, условий и порядка амортизационных списаний. При отсутствии выполнения отмеченных требований не способны существовать не только обозначенные выше составляющие инновационной политики, но и налоговая и амортизационная политика как таковые. Аналогичный вывод может быть сделан также при рассмотрении взаимосвязей законодательного обеспечения инновационной политики с остальными элементами данной системы.

Подобный, пронизывающий остальные элементы системы, характер ее рассматриваемой составляющей во многом обусловлен объективным свойством государственной экономической политики вообще и инновационной в частности. Речь